

Конспект лекции Рене Руссийона

«Человек обязательно интегрирует внутрь психики то, что с ним важного случается. Но из-за провокации чрезмерной тревоги и того, что нам ближайшее окружение не помогло интегрировать, какой-то опыт оставалась лишь вытеснить или отрезать.

Это самое отрезанное, или опыт, оставшийся в стороне, постоянно требует затрат усилий, чтобы продолжать оставлять его в стороне, т.к. оно неизменно ищет возможность вернуться.

Повторяется то, что не было интегрировано (согласно Фрейду). В результате то, чему не нашлось места в психике, начинает атаковать саму психическую организацию.

Внешняя жизнь постоянно пробуждает этот опыт, и он ищет возможность к реактуализации. Т.е. он буквально вламывается в дверь нашей психической организации, чтобы найти и занять свое место.

Что-то возвращается из прошлого, и мы начинаем «галлюцинировать», что означает, что наше настоящее инфильтровано фрагментами нашего прошлого, которые смешиваются с фрагментами настоящего. Это и есть фундаментальный механизм переноса.

Фрейд писал, что перенос – это перемещение исторической ситуации в ситуацию настоящего (и это происходит не только с аналитиком, это касается всего, что не было интегрировано). Но только в рамках психоанализа этот перенос анализируем.

И только благодаря неврозу переноса, ситуация из прошлого проявляется в настоящем, ибо невозможно проработать что-то, если этого нет.

Процесс переноса оживает вновь и вновь, он заставляет вещи появляться и присутствовать в настоящем, и только благодаря появлению этих вещей в настоящем мы можем с ними работать.

Благодаря определенному настрою психоаналитика по отношению к разнице между тем, что происходило в жизни, и тому, что у него нет ни любовных, ни ненавистных отношений с пациентом, вся совокупность психического функционирования психоаналитика как раз и позволяет понять и ухватить то, что повторяется в этой аналитической ситуации раз за разом.

Психоанализ в ситуации достаточной нейтральности позволяет чтобы движения души могли проявиться и развиваться в том или ином направлении. И чтобы эти душевные движения смогли стать доступными для анализа. То есть сама психоаналитическая ситуация устроена так, чтобы сделать возможным анализ этих переносных движений.

Полагаю, это и есть самый фундамент психоаналитической практики:

- 1) то, что не интегрировано – повторяется;
- 2) то, что воспроизводится и повторяется – постоянно смешивается с настоящим и переносится на настоящее внутри настоящего;
- 3) в психоаналитической обстановке нам следует использовать этот перенос, чтобы помочь нашим пациентам интегрировать то, что не было интегрировано в их историях.

У такого воспроизведения три основных назначения:

- 1) повторяется тот опыт, который мы пережили в нашей жизни, и который мы не интегрировали;

Рене Руссийон показал это на примере опыта раннего расставания.

«Если я на протяжении всей жизни переживаю эти ситуации расставания, и не смог когда-то интегрировать эти ситуации в самом начале в силу их травматичности, с тех пор всякая, любая ситуация расставания оказывается в большей или меньшей степени травматичной. Что приводит к тому, что в ситуации с партнером, с которым больше нет как таковых взаимоотношений, я не могу никак прийти к тому, чтобы расстаться с ним, потому что само расставание становится чрезмерно тревожным, и я оказываюсь в совершенно неприемлемой ситуации, в которой я увязаю, отчаиваюсь, так как не могу пережить само расставание.

Все это есть следы исторической травматической ситуации из прошлого, которая препятствует в настоящей жизни переживанию событий и вещей. Итак, если был такой опыт ранний, о котором я не помню, и записан этот опыт оказался внутри меня в форме некоего ужаса, возникает ощущение провала, что я растекусь как жидкость, и я не понимаю что происходит, но есть ощущение что будет потеряно всё, и я останусь один, даже если это кажется совершенно неразумным»;

2) перенос зависит от времени «записи» этих произошедших со мной событий. «То есть время является определяющим! Если это происходит еще до того, как я научился говорить, до 2-3 лет, я не могу даже назвать, проговорить, что это событие сделало со мной. Так как то, что я пережил, появилось до того, как появилась речь.

И чтобы выразить это – мое тело будет говорить в таком случае: моя кожа, мои легкие, мой живот будет об этом говорить (само расставание, например, может ощущаться как разрывание кожи, и как если бы кожа действительно разрывалась, но я не мог бы сказать об этом, тогда я начинаю расчесывать, рвать кожу).

Когда опыт чрезвычайно ранний, когда он предшествовал овладению речью, он записан в нас не столько в форме воспоминаний, не в форме неких переживаний, о которых мы можем рассказать, но он запечатлевается в нас в виде неких ощущений, телесных отпечатков;

И когда этот ранний опыт возвращается, он обладает всеми теми характеристиками, о которых я сказал, и тогда одно из свойств переноса – этот перенос всегда возвращается с характеристиками того времени, когда произошла запись этого события

Вторая характеристика: этот опыт возвращается, играя роли и функции настоящего, и это что-то из прошлого смешивается с настоящим и зависит от настоящего»;

Третья характеристика: возвращение это осуществляется в виде функции моей психической организации. Если мне три года, и у меня есть только функции трехлетнего ребенка, тогда то, что вернется, не будет таким, как если бы я был подростком и со всеми свойственными подростковому периоду функциями психической организации.

Если же я взрослый, и обладаю всеми свойствами и характеристиками взрослого человека, неинтегрированный опыт возвращается тем образом, который соответствует моей нынешней настоящей псих.организации, т.е. еще он возвращается учитывая настоящую ситуацию.

То есть перенос характеризует смешение – чего-то такого, что не было интегрировано в истории, в нашей психич.организации, и учитывая нашу психическую организацию и настоящую ситуацию.

В терминах Фрейда, перенос – это смешение смыслов, некое новое образование, метис, который одной ногой стоит в прошлом, другой ногой в настоящем, и содержит все то, что происходит с моей психической организацией сейчас

Это очень важно, поскольку в работе с переносом, если у пациента есть особенность чересчур актуализировать давить на эту педаль настоящего, тогда мы начинаем несколько больше поддавливать на педаль прошлого. Вплоть до того, что Маргарет Литтл назвала «бредовым переносом». Тогда становится невозможно работать, и ярость безумная, в которой пациент находится, не дает ни насколько воспользоваться тем, что я мог бы ей сказать. То есть слишком много присутствует из прошлого, пребывает и обнаруживается в настоящем. И нужно как-то попытаться их раздвинуть, разъединить, чтобы найти пространство. Все время нужно вертеться между прошлым и настоящим, настоящим и прошлым.

Если человек слишком присутствует в настоящем, нужно идти в прошлое. А если он слишком в прошлом, необходимо найти человека в настоящем. Это и есть работа с переносом».

«Понятие психической рефлексивности не что иное, как способность к самопостижению, самоосмыслению, то есть способность ощущать себя, видеть себя, слышать себя и понимать себя. То есть это отношения с самим собой.

Однако существует проблема, что есть люди, которые недостаточно себя чувствуют, или не чувствуют себя вовсе. Например, некоторые психотические пациенты, также некоторые пациенты с расстройствами аутического спектра, или пациенты с психосоматическими расстройствами.

И можно сказать, что вся нарциссическая проблематика, связанная с вопросом идентичности, всегда состоит в том, чтобы в достаточной мере себя чувствовать.

Рене Руссийон здесь приводит пример, как один пациент приходит, и ему приходится ждать встречи 2-3 минуты, он совершенно в ярости из-за этого ожидания. Р.Р. работает с ним лицом к лицу. Пациент занимает свое место напротив аналитика, проявляя крайнее недовольство, и говорит гневно: «Всё! Пора прекращать с этим психоанализом!» Р.Р. говорит ему: «Ух, ничего себе! Да вы в ярости». Пациент (крича): «Да нет же! Ни в какой я не ярости!!!» То есть пациент не чувствует этой своей ярости, и потребуются ждать сколько-то сеансов, и проделать эту работу на сеансах, чтобы он смог мне сказать, что да, я был не очень доволен, что Вы заставили меня ждать. То есть мы видим, что этот пациент отрезан от самого себя, он не знает, не осведомлен в отношении того, что он чувствует.

«Другая пациентка, с которой тоже лицом к лицу мы работаем, вдруг говорит мне: «Ничего вы мне не говорите!», но у меня же есть намерение что-то сказать по этому поводу, и как только я открываю рот и пытаюсь что-то сказать, она вот так затыкает рот себе рукой. Что значит «Вот это не войдет в меня!» Если же я говорю и ей это подходит, она отодвигает руку и, приоткрывая показывает рот. Но она совершенно не отдает себе отчета в этом действии, и во всяких человеческих коммуникациях она не понимает, почему люди так ведут себя с ней. То есть она себя не видит и не понимает, какой она может быть неприятной в смысле контакта, какой невыносимой.

Одно чрезвычайно простое и одновременно сложное утверждение состоит в том, что себя мы ощущаем тем же самым образом, каким мы были прочувствованы. То есть, некое пространство отношений с самим собой, например я в злобе, ярости, но я чувствую эту ярость. На самом деле я не чувствую свою ярость, я не могу почувствовать свою ярость без того, чтобы кто-то когда-то эту ярость мне продемонстрировал, показал.

Я не могу себя прочувствовать, если я не был прочувствован другим или другими...»

«Важнейшее утверждение заключается в том, что я не могу себя прочувствовать, если я не был прочувствован другим или другими. Если я хорошо, достаточно был прочувствован другими, первичными объектами, то я и сам себя хорошо чувствую. Если я плохо, недостаточно был прочувствован первичными объектами, тогда я плохо себя ощущаю. Если я вовсе не был прочувствован никем, я себя не чувствую вовсе.

То же самое и в отношении взгляда. Если глядели на меня хорошо, то я выгляжу (смотрюсь) хорошо, и вижу себя хорошо. Ну а если на меня плохо глядели – то и выгляжу я плохо, и вижу себя плохо. Если я не был увиден, то и сам себя я не могу увидеть.

Тогда я могу либо исчезнуть, либо наоборот я могу постоянно совершать какие-то активные действия, чтобы меня заметили, создавать много шума, то есть привлекать взгляды других, потому что у меня полное ощущение, что если на меня не смотрят, то меня просто нет, не существует.

Я начинаю привлекать взгляды других, чтобы увидеть себя через эти взгляды. Здесь возникает проблема зависимости от взглядов других людей, и тогда начинается бесконечная гонка за позитивным одобряющим взглядом других.

Мы легко скажем, это проблематика нарциссическая. Но на самом деле то, что мы видим в подобных случаях, это то что не было интегрировано. Чтобы был хороший взгляд на человека, ему нужен хороший взгляд на себя изнутри.

Вот он ключ нарциссизма. Вдруг мы открываем, что между этим отношением себя к самому себе присутствует Другой. И только устанавливая, учреждая этот взгляд Другого, только так мы начинаем постепенно анализировать нарциссизм. И отталкиваясь именно от этого, мы можем предположить, как это все работает. И затем уже обратиться к проработке того, что происходило в этих самых ранних, примитивных отношениях с первичными объектами.

Здесь важно понимать, что мы обнаруживаем его зависимость от ответа окружения, и этот ответ необходим для его развития. Где не только кормление и забота нужны ребенку, что связано непосредственно с самосохранением. Это лишь малая часть необходимого.

И понятно, что не грудь матери является самой фундаментальной, но та манера, способ и особенности, с которыми эта мать эту грудь ребенку дает. То есть не сама забота о теле, уход имеет весомое значение, но то, каким образом этот уход прodelывается.

Не просто держать ребенка на руках важно, а то, каким образом его на руках держат. То есть не собственно вещьность, не столько материальность, сколько послание, коммуникация, которая этим способом предоставляется.

Не только кормление грудью, а еще имеет значение смысл такого кормления матерью. И согласуясь этим смыслом, нас это питает, позволяет развиваться, или может даже нас отравить, и это более чем правдиво в мире ощущений и эмоций.

Младенец испытывает и аффекты, и эмоции, и конечно он не знает в этот момент, что такое эмоции. Он знает, что нечто переворачивается в нем. Но в этот момент он нуждается в образе того, что происходит внутри него. Если проследить, можно увидеть детей в недовольстве, машущих руками, раздраженных. И появляется мать, и можно пронаблюдать, как она хмурит брови, и говорит: «О, какой недовольный маленький ребенок! И как он злится на маму, заставившую его ждать!» В этот момент она берет его на руки, она его несет, и одновременно ухаживает за ним. И в тот момент, как он видит лицо матери, он на самом-то деле видит свои эмоции, которые на нем отражаются. Вот функция зеркала материнского лица. Мать отражает ему его собственные эмоции, и тоже важно, каким образом. А не как ей вздумается. Она отражает его эмоции, пусть несколько карикатурно, утрированно. Но его, а не свои собственные.

В этой коммуникации есть некое сообщение, есть то, что передается. И одновременно в нем есть сообщение, что происходит передача.

Одновременно она помогает ребенку понять, что он чувствует, и также как она чувствует ребенка. То есть это движение любовное по отношению к ребенку, и в этом движении любви она демонстрирует ярость этого ребенка.

Но если вдруг мать начинает орать: «Какой ты невыносимый ребенок! И как невозможно тебя выдержать!», то конечно совсем другой смысл будет у послания. Такой ответ матери только ужас спровоцирует у ребенка.

Вы видите, что в этой простейшей, примитивной коммуникации передается способность постичь, что происходит внутри другого, внутри ребенка, одновременно установив разницу, что происходит от самого ребенка, а что от другого. И согласно реакции матери помогает понять, что хорошее, а что плохое.

Вот так шаг за шагом и конструируется, создается нарциссизм, посредством всей этой совокупности ответов окружения.

«Что же происходит, когда это не срабатывает? Например, когда окружение вовсе не отвечает, или когда окружение отвечает плохо, или когда ответ в нарушенной манере происходит?»

Представьте себе ребенка на руках у матери. Мать дает ребенку грудь. Грудь ему нравится, и он узнает, что ему хорошо. Тогда он берет свой собственный палец и засовывает его в рот матери, желая узнать, что он тоже хороший. То есть он хочет, чтобы мать этот палец попробовала, съела. Но не выходит это :). Тогда он свой палец ей в глаз тыкает. Но мать может отреагировать во время этих, по сути любовных взаимоотношений как? «Что ты такое творишь?! Ты хочешь мне плохо сделать?!» То есть это любовное движение может быть проинтерпретировано матерью как агрессивное движение. То есть хорошее становится плохим, и оборот этих взаимных движений нарушается тогда. И отношение к самому себе нарушается. То есть в этот момент происходит отступление некое. Это раннее примитивное страдание, очень особенное. Бюссони называл его безымянным ужасом, Винникотт говорил о примитивной агонии. Это такое чувство, которое подвергает опасности само ощущение бытия, собственного существования;

«И это то, что находится в самом сердце нарциссического страдания.

Когда есть эти любовные движения ребенка, и неадекватный ответ матери или окружения на него; разочарование и переживание агонии. Но переживание агонии со всеми этими характеристиками раннего детства. И нет никакого удовлетворения в таком случае, а вместо этого только страдание.

Это происходит в то самое время, когда ребенок еще не может сказать матери «Подожди, чего-то не получилось у меня, в другой раз выйдет получше». И этот опыт, ощущение этой ситуации во времени будет длиться вечно, это навсегда с ним. Он всегда будет обнаруживать себя в этой ситуации. Вы знаете, что Фрейд сказал «Несознательности неведомо время».

В чем я уверен, что самый ранний, первый опыт, переживания, чувства – они вне времени. В этом и есть особенность примитивной агонии. Как если бы ребенок с тех самых пор проживал это страдание, которое не имело бы никакого завершения. Совершенной безнадежности ощущение появляется тогда, потому что нет никакого выхода, никакого решения, никакого окончания этому страданию.

И когда такой опыт происходит, ребенок для того чтобы выжить, прибегает к крайним, предельным защитам, которые мы можем наблюдать, работая с детьми. Он отстраняется, пытается выйти, покинуть этот опыт. Отрезает его от себя, отсекает. Вы видели таких детей. Они все время отсутствуют, отворачиваются. Это то, что мы можем встретить при наличии очень серьезных травматических ситуаций. Это не то чтобы плохая защита, поскольку она единственная позволяла выжить. Проблема в том, что тот опыт, от которого происходит отстранение, оставляет следы, и они постоянно ищут возможность к интеграции, поскольку то, что не было интегрировано, вернется. И вернется особым образом, способом, без какой-то проработки, трансформации и интеграции».

«Когда такое переживание возвращается, оно угрожает субъекту. Тогда мобилизуются все оборонительные механизмы против переживания этого опыта, и уже сами эти защитные механизмы препятствуют тому, чтобы эти переживания были проработаны.

Одна из существенных трудностей, с которой нам приходится встречаться во время нашего психоаналитического ремесла, когда приходит субъект с набором таких защит против этих ранних примитивных ситуаций. Тогда работа, которую нам необходимо делать – является по сути парадоксальной. Она отталкивается от некоторого намерения позволить этим пациентам прожить этот ранний опыт, чтобы в итоге его возможно стало интегрировать, встроить в психический аппарат. И чем дальше вы продвигаетесь с такими пациентами, тем хуже становится пациенту. Поскольку как раз вот этот опыт, который возвращается по мере лечения, это и есть опыт неинтегрированный, ужасающий.

Вот что мы понимаем под негативной психотерапевтической реакцией. Полагаю, что во всех значимых случаях нарциссического переноса присутствуют эти элементы негативной терапевтической реакции. И как раз в этом и состоит подлинный парадокс истиной аналитической ситуации: вроде бы на психоанализ идут, чтобы стало легче и лучше, а в нем становится только хуже (по крайней мере, в то или иное время).

Есть возможность, чтобы было не так безнадежно плохо. Но это возможно только если мы разделим этот ранний опыт агонии с Другим. Это та самая важная характеристика нарциссического переноса с такими пациентами. То есть это перенос возвратный. То, что пережил пациент пассивно, он заставляет это переживать активно Другого (в анализе – аналитика). И это именно те ситуации, когда аналитик вдруг ощущает, что ничего не понимает, ничего из себя не представляет, ощущает себя плохим, виновным, и ключ к аналитической работе состоит в том, чтобы выжить под этими атаками чужого нарциссизма».